

— паркин. —

10 — «Русская мысль» — №4179 — 19—25 июня 1997

ЛИТЕРАТУРА, МЕМУАРЫ

**Парней так много холостых,
А я люблю Довлатова!**

Он рассказывал, не без удовольствия, что, когда он был студентом, это спели с эстрады девушки из факультетской самодельности. Надо думать, они этого не забыли, а я удостоверяю: Довлатов их музыкальное признание помнил до конца жизни.

Мы с Довлатовым познакомились в начале 70-х годов в шереметевском доме на улице Воинова, ныне дважды сожженном. Там помещалось Ленинградское отделение Союза писателей. Довлатов в то время был секретарем Веры Федоровны Пановой. Ходили слухи, что он тоже что-то пишет и что он побывал в лагере, но не так, как его двоюродный брат, который там сидел, а совсем наоборот — как вохровец. Горышин говорил даже, что он охранял этого самого брата. Я тогда думала — для красоты сюжета. Оказалось — правда. Собственно, брат и послужил причиной нашего знакомства.

С виду и по фамилии я знала Сергея Довлатова и раньше — видела в ресторане Союза писателей. Попробуй не увидь. Он был похож на смущенно движущийся буфет — народ в Союзе писателей был довольно мелкий (имею в виду рост, а не художественную значимость).

Сейчас о нем пишут: «красивый». Не знаю. Мне он красивым не казался. Может быть, потому, что я продолжала видеть в нем вохровца. Он сам упоминает, явно кого-то цитируя, свою неаполитанскую внешность, хотя неаполитанцы, могучие духом, невысоки ростом.

Одно можно сказать: внешность у него была самая не секретарская, какую только можно было себе представить.

В конце 76-го года мы уехали. А летом 78-го приехали из Югославии (тогда она еще была) в Вену встречаться с нашими друзьями — Игорем и Марией Ефимовыми. И у них неожиданно встретили Сергея Довлатова.

Впрочем, он очень неожиданно. Мы уже прочли в Израиле «Невидимую книгу», изданную Профферами в издательстве «Ардис» — и кое-что в разных «тамошних» журналах. После такого в Ленинграде не остаются. Отправляются или на Запад, или на Восток. Второе — не по личному выбору.

Сегодня, когда перечитываешь эту, когда-то «невидимую», вспоминаешь слова Синявского: эмигранты сообщают одну «Жалобную книгу». (Тоже был мастер определений. И сейчас видно, что он был прав.)

Но тогда! Какой эстетический восторг вызывали эти жалобы, обжигавшие подлинностью неостывшей обиды. Впервые мы читали на русском языке то, о чем все знали, все говорили и что все — или почти все — покорно принимали как должное. Это была жизнь, наша жизнь, и к ней следовало принаравливаться — не будет же она принаравливаться к нам. Была даже рубрика такая в «Литературной газете»: «Прекрасное — это наша жизнь». В сорок девятом году она появилась.

Сейчас мы, избалованные книгами Довлатова, следовавшими за этой первой, удивляемся, встречая в ней какой-то перегруз наивной, недоуменной серьезности, незамаскированной печали. И нас уже не занимает подробное, документированное «досье» на советскую власть, от стукачей и прочих малых ее представителей, до неких высоких, так и неразгаданных имен. Мы уже и сами все это знаем. Да-да, теперь знаем. А тогда, в этой книжке, прочли впервые глазами, черным по белому. И смеялись, и радовались, что это уже позади. Для Довлатова — и для нас.

Но горько это звучало в конце: «Словом, а не делом отвечаю я тем, кто замучил меня. Словом, а не делом!» Но не замучили, слава Богу. Помучили — и отпустили. На радость нам всем.

Совершенно не помню, о чем тогда в Вене мы разговаривали, — но общее впечатление было приятное.

Через год, когда мы несколько месяцев прожили в Нью-Йорке (муж читал курс в Колумбийском университете), мне захотелось возобновить знакомство. Я позвонила по телефону. Бархатный голос, рокоча российскими «р», ответил непререклаемо:

— Рронг намберр!

Кто-то из «Нового русского слова» — которое впоследствии мстительный Дов-

Руфь Зернова

Дачные соседи

Воспоминания о Сергее Довлатове

латов перекрестил в «Слово и дело» — объяснил, что номер-то я набрала правильно, но «Сергея просто нездоров». Я не стала расспрашивать.

И все-таки потом мы подружились — уже после того, как президентом выбрали Рейгана, хотя его успех на выборах не имел к этому касательства. Наш сын с семьей перебрался в Форест-Хиллз, мы у них останавливались, а жили они от Довлатовых так близко, что не подружиться было невозможно.

Сначала они подружились, а потом и мы. Сначала с его женой Леной, а потом и с ним.

Мы даже стали переписываться. Удивительное дело. Тогда люди еще переписывались не по «имэйлу», а просто — вы не поверите! — писали письма от руки. Не жалея времени. И посылали их авиапочтой. Письма по воздуху иногда доходят даже быстрее, чем по морю.

С 1983 года наши семьи жили в Кэтскилле. У Довлатова Кэтскилл представлен в повествовательной прозе двумя рассказами — «Ариэль» и «Игрушка». В их впервые прочла в Арьевском трехтомнике, Довлатов нам их не показывал. Зато «Наши», «Чемодан», еще что-то мы читали постепенно, рассказ за рассказом. Вот было счастье!

Иногда слышатся обиженные, или негодующие, или недоуменные комментарии персонажей, героев и не-героев: «У нас все совершенно не так было...» — «Да ничуть не похоже, все он выдумал!» — «Когда это я у него спрашивал инициалы Лермонтова?»

Но — поздно. Все так и останется, как рассказано у Довлатова. И ныне и присно. Это не правда, это квинтэссенция правды. Она крепче, потому она и остается.

Он возникал перед окном — потом появлялся в квартире — потом шел разго-

вор, веселый разговор... Удивительно, сколько у нас находилось друг для друга новостей и тем... Больше, чем с родными детьми. А впрочем — не так и удивительно. И он, и мы жили литературой.

Сергей Довлатов — экскурсовод по Пушкинскому заповеднику. 1975.

Жили — в смысле «дышали».

Но однажды прошел слух: у Довлатова запой.

Утром я услышала — зовут!

Подошла к окну. Под окном стоял Довлатов, твердо стоял, не качаясь. Мягко, чуть смущенно сказал:

— Запой происходит, Руфь Александровна!

Я ответила что-то невыразительное.

— Можно к вам?

— Тогда я сейчас... Возьму в магазине и зайду.

А дальше пошло такое, что мы себе и представить не могли. Рассказать — никто не поверит.

Разговора никакого не было. Было другое: Довлатов читал стихи. Наливал себе в стакан из фляжки, выпивал глоток и читал, читал... В основном Мандельштама. Без комментариев. Просто читал. Потом за ним пришли — Лена и его отец.

Вот такой это был пьяный угар.

Его стали посещать видения. Он отчетливо видел на белом потолке своей комнаты людей, знакомых и незнакомых, улицы, какие-то квартиры — в общем, настоящее кино. Мы ехали в машине с нашим молодым приятелем Сашей Бенинсоном, и Довлатов рассказывал ему все это. Саша выслушал и спокойной сказал:

— Белая горячка. Если не бросите пить — скоро умрете.

Саша Бенинсон закончил медицинский факультет в Москве.

Может быть, эти его слова и произвели впечатление. Во всяком случае то лето в Кэтскилле (а мы жили, можно сказать, бок о бок) вспоминается мне как безоблачное и трезвое. Это был, кажется, 84-й год. Довлатов, похоже, сел на диету — он похудел, постройнел... Однако когда он погружался в бассейн — на той даче был бассейн! — вытесненная им вода грозила затопить асфальтированные берега.

Это было веселое лето. В наших домиках росли дети: у нас — наши внуки, тринадцатилетняя Саша и пяти-

летняя Лиза; у Довлатовых — почти взрослая Катя и всеобщий любимец Коля, лет трех от роду, единственный из всех имевший перспективу стать когда-нибудь президентом Соединенных Штатов, поскольку он тут родился.

Кроме того, у нас жила Сашина подруга, а у Довлатовых — дочь каких-то гастролирующих актеров, в возрасте нашей Лизы.

Все эти очень молодые люди да еще их гости с соседних дач очень оживляли обстановку: ссорились, мирились, влюблялись и давали старшим обильную пишу для разговоров. Работала, по-моему, только Лена на какой-то печатной машине, поглощавшей, по мнению хозяев, львиную долю всего кэтскильского электричества. Мы разговаривали, конечно, не только о литературе, но и о людях, хорошо и не хорошо знакомых.

Очень многое из того, что говорилось, вошло в довлатовские рассказы и записные книжки. Он был рачительный хозяин.

Да, так разговоры о литературе.

— Мы с вами средние писатели, Руфь Александровна. («Мы с вами» — это для того, чтобы я поняла, что он думает обо мне. Разумеется, я понимаю.)

— Я так не думаю.

— А что же вы думаете? Думаете, мы с вами...

— Я думаю — мы с вами хорошие писатели. И разные притом. (Я и сейчас так думаю.)

Его это явно не удовлетворяет. Он возвращается к мотиву «мы с вами» не один раз. Это как зачин. Я отвечаю что придется. Иногда признаю его бесспорное преимущество.

Например, говорю:

— О себе я уже не заплачу. Но про вас думаю, что вы надолго останетесь. Юмор живет дольше всего остального. Вон, мы все еще хохочем над «Недорослем»... Ах, если бы он прочел, какие философские глубины открывают в нем нынешние критики!..

Иерусалим — Париж

Окончание следует.

Печатается
с небольшими сокращениями.